

Он отдал музыке больше 30 лет своей жизни, написал за это время немало произведений, вошедших в золотой фонд советского искусства. Это оперы, балеты, симфоническая музыка и, конечно, песни. Некоторые из них, как, например, «Я шагаю по Москве», педа вся страна.

Трудно даже перечислить названия тех фильмов, в титрах которых стояло имя этого мастера. Среди них «Путь к причалу», «Я шагаю по Москве», «Тридцать три», «Совсем пропавший», «Осенний марафон» Георгия Данелия, «Берегись автомобиля», «Служебный роман», «Гараж» Эльдара Рязанова.

— Андрей Павлович, вы в нашем городе второй раз, после первого приезда прошло много лет. Каким вы нашли Горький? Как он «прозвучал» для вас? Интересно, за то короткое время, что вы провели здесь, у вас не сложился — ну, если не музыкальный портрет города, то хотя бы его «набросок», не появилось каких-то ассоциаций — чисто звуковых?

— О музыкальных впечатлениях говорить трудно — они проявляются очень неожиданно и часто не в конкретной связи с чем-то. Но в данном случае есть некое совпадение. Дело в том, что сейчас я пишу музыку к новому фильму Эльдара Рязанова «Жестокое роман» по «Бесприданнице» А. Островского, а действие там, как вы помните, происходит на Волге. И снимался фильм на Волге. Моя работа еще не закончена, и, может быть, нынешние впечатления от волжской столицы как-то

х в искусстве, кроме таланта и трудолюбия, необходим случай. Такой случай выпал и мне — я повстречал замечательных балетмейстеров Касаткину и Василеву, которые позже ярко проявили себя и как режиссеры — постановщики, а также дирижера Ю. Темирганова. И встретились все мы в Кировском театре. Успех первого нашего спектакля — «Сотворение мира» — был значительный. А когда спектакль идет хорошо, делается аншлаги, тогда и отношение театра к тебе соответствует. Потом «Петр I», так же счастливый спектакль, группа его участников была удостоена Государственной премии. И я, и все мои друзья — соратники как бы окончательно завоевали доверие театра — и какого! Одного из лучших в стране. А это огромное дело, ведь театр — механизм очень сложный, частенько композитора встречают настороженно, а тем более, если первая попытка была неудачной...

А в той доброжелательной атмосфере, в которой оказался я, работать было одно удовольствие — для великолепного театра, в содружестве с талантливыми людьми. Если бы всего этого не было, не исключено, что я остановился бы на «Петре I»...

— Но вы продолжали работать для театра, и появилась опера-балет «Пушкин». Жанр весьма необычный, редкий. Что побудило вас выбрать именно его?

— Вначале был задуман просто балет. Но когда я стал работать, я понял, что спектакль о Пушкине без звуча-

Мы знаем, что именно такое искусство получало наибольшее распространение, становилось общественным явлением — от Ленинградской симфонии Шостаковича до, к примеру, антивоенных песен Боба Дилана. И сейчас, я думаю, новаторские произведения большей частью характеризуют именно обращение к неожиданным, ранее неизведанным темам, использование таких образов, идей, героев, которых раньше не было. Отсюда и ломка формы, и какие-то новые построения, составы, соединения, например, народного и профессионального искусства, архаичного, древнего — с последними достижениями композиторской техники.

— А как признанный мастер Петров относится сейчас к тому Андрею Петрову, который много лет назад делал первые шаги на композиторском поприще?

— С симпатией, но несколько иронично. Конечно, много было, несомненно, хорошего, когда я, увлекаясь творчеством любимых композиторов — Шостаковича, Прокофьева, Равеля, явно отражал эти симпатии и в своей музыке. Но, с другой стороны, я делал все — во всяком случае, мне так кажется — по увлечению, естественно, по зову сердца. Я ничего не писал «специально». Это, наверное, сохраняло какую-то непосредственность выражения.

— Выбор профессии был сделан сразу — решительно и бесповоротно? Вы, конечно, из музыкальной семьи?

— Вообще нет. Мама у меня

музыку, но и в моих операх немало песенных форм, и в симфонической музыке некоторые эпизоды сделаны по принципу песенности.

— Как вы считаете, вы уже написали свою «главную» песню, или она еще впереди?

— Наверное, это прозвучит пессимистично, но, думаю, что написал. Как правило, главные, как вы говорите, песни пишутся в молодости. Вспомним хотя бы Дунаевского, Соловьева-Седого, Блантера. Песня, что ни говори, в основном предназначена молодежи. Она помнится долго, если родилась созвучно времени, если живет с поколениями, если ее запели те, кому было семнадцать-двадцать, и пронесли ее с собой через всю жизнь.

Счастливей человек по имени Андрей Петров

Сегодня у нас в гостях один из самых известных современных советских композиторов, народный артист СССР, лауреат Государственных премий СССР Андрей Павлович Петров.

Может быть, у меня еще будут неплохие песни, возможно, какие-то станут и популярными, но главная, если она есть, уже написана.

— А популярность всегда является залогом качества песни?

— Конечно, нет. Бывает так, что песня как бы носится в воздухе, необходимость ее появления продиктована моментом — не временем! — и когда она появляется, то становится невероятно популярной. Однако проходит несколько месяцев — и о ней уже мало кто помнит.

— Андрей Павлович, а что вы можете сказать о сегодняшней эстрадной песне?

— Эстрадный жанр — особый, самый мобильный и в то же время неустойчивый. Здесь всегда «сложно», всегда дискуссии, всегда кто-то кого-то осуждает. Чтобы убедиться в этом, достаточно полистать старые журналы. Сегодняшние же сложно-

сти, мне кажется, связаны со своеобразными парадоксами популярности. То есть, если когда-то раньше было популярно что-то одно — звучание, вид — например, джазовая песня, то теперь популярно... все. И народная песня, и французский шансон, и английские баллады, и рок, и диско — и все это на эстраде. Казалось бы, разнообразие можно только приветствовать, но среди такого количества разнообразий эстрадной песни не мудрено запутаться. Обилие музыкальной информации несет в себе угрозу — «на слуху» может быть что-то вторичное, банальное, а талантливое произведение пройдет незамеченным. Но процесс этот неуправляемый, я думаю, сама жизнь делает свои ак-

цессии, написанные в традиционном ключе. Большинство композиций, исполняемых этими составами, вовсе не принадлежит к стилю «рок», это в принципе самые «обыкновенные» песни, только разряженные в модные одежды — и порой безвкусно.

Для рок-групп нужны свои песни, учитывающие законы жанра — только тогда возможен успех. К примеру, песни, которые пишет А. Макаревич, — это рок-песни, и их практически невозможно исполнить в каком-либо другом стиле.

— Насколько можно понять, к современной рок-музыке вы относитесь неоднозначно.

— Как и к любому другому сложному, противоречивому явлению. Ни одно из других музыкальных течений, направлений не получило столь же широкого распространения, а потому, понятно, здесь много и позитивного, и негативного. Подчас в рок-музыке оперируют упрощенными музыкальными средствами, сведенными к минимуму приемов, и на помощь тогда приходит та же техника, позволяющая добиться всевозможных эффектов и необычных звучаний.

Одна из бед отечественного рока в том, что у нас несколько смещены критерии, и подчас неискренние любители музыки просто не понимают, что плохо, а что хорошо. Да и пропагандируем мы порой далеко не лучшие образцы рок-музыки — и советской и зарубежной.

— И в то же время некоторые интересные, талантливые группы и исполнители продолжают время от времени «в тени», тщетно дожидаясь своих пластинок. Вот сейчас, например, много говорят о самостоятельных и полупрофессиональных ленинградских рок-группах: это «Аквариум», «Зоопарк», «Мифы», «Форсаж», «Пикник», «Дилижанс», однако записи их достать весьма сложно.

— Да, оперативность в звукозаписи еще оставляет желать много лучшего. Кстати, мы собираемся в помещении Ленинградского Союза композиторов устроить цикл встреч с музыкантами названных вами групп: послушаем, поспорим...

— Андрей Павлович, распорядок дня у вас, безусловно, напряженный. Но если вдруг выпадает свободное время, чем вы его обычно занимаете? Как вы любите отдыхать?

— То, что называется хобби, у меня, пожалуй, нет. Иногда меня охватывала страсть коллекционера — я собирал, помню, символические ключи от городов, но все это было не так уж долго. На какое-то стабильное увлечение, наверное, просто не хватает времени.

— А читать много удается?

— Меньше, чем бы хотелось. Что-то читаю, что-то просматриваю, чтобы быть в курсе дела... Но уж над каждым новым произведением В. Распутина, В. Астафьева, В. Быкова, Ч. Айтматова и стараюсь «посидеть» как можно дольше. И, наверное, самое большое литературное потрясение последних месяцев от книги В. Астафьева «Затеси».

— Андрей Павлович, можно на прощание нескромный вопрос?

— Попробуйте...

— Считаете ли вы себя счастливым человеком?

— Как говорил Александр Грин, «счастье — это умение радоваться тому, что имеешь». А я, наверное, обладаю таким умением. Мне грех жаловаться на судьбу: она свела меня с Кировским театром, я дружил и дружу со многими замечательными людьми, у меня есть любимое дело...

Разве я могу назвать себя несчастливцем?

Беседу вел
А. БЛУДШЕВ,
наш корр.
Фото Н. МОШКОВА.

ВСТРЕЧИ В ГОСТИНОЙ «ПС»

опосредованно реализуются в этой музыке...

— Если вы не против, заглянем мысленно в вашу творческую лабораторию... Вот вы пишете музыку. Как это все бывает? После прихода Музы, или же в «рабочем порядке»: прозвонил будильник, встал, умылся, позавтракал — и в 9.00 за работу?

— Тут надо сразу сказать, что я пишу, как правило, музыку программную, т. е. связанную с сюжетом, темой — исторической, революционной, современной. Я отталкиваюсь от каких-то конкретных образов, ситуаций. И первая стадия работы — это внутреннее погружение в соответствующий музыкальный материал, обстановку, стилистику... А когда вошел в нужную атмосферу, почувствовал стилистические рамки, обрел направление движения, можно призывать на помощь и вдохновение.

— Андрей Павлович, несколько слов о том, что закончено вами недавно.

— Наиболее для себя значимым из созданного в последнее время я считаю оперу-феерию «Маяковский начинается», премьера которой состоялась в Ленинградском театре оперы и балета имени С. М. Кирова в апреле прошлого года.

Вообще, сама тема оперы — становление революционного поэта — сложна, довлеющая, и спектакль потребовал максимального напряжения сил от всех участников и, конечно, в первую очередь, от дирижера, постановщика, солистов. Хотя я писал «Маяковского» не так долго: от «первой ноты» до премьеры прошло около двух лет, в это время я ничем другим больше не занимался.

— «Петр Первый», «Пушкин», «Маяковский начинается»... Эти произведения составляют как бы трилогию, посвященную ярким страницам отечественной истории, культуры, выдающимся ее представителям. Кстати, Андрей Павлович, чем объясняется такая ваша приверженность к музыкальному театру?

— Немирович-Данченко как-то сказал, что для успе-

щего слова поэта выглядит как-то странно — этаким «немым» Пушкин. И тогда был введен хор, который в некоторых сценах поет его стихи, певича, а потом стал необходим и чтец, исполняющий стихотворные эпиграфы к нескольким эпизодам спектакля. Сама работа, погружение в материал подсказали новые выразительные средства, и получилось так, что в балете оказались элементы оперы, оратории. Понятно, что и форма уже не могла быть чисто балетной — хотелось все организовать посредством не дивертисментных номеров, а крупных симфонических пластов. В итоге и образовалась свободная форма симфонии. Опера-балет — не совсем точное обозначение, это скорее вокально-хореографическая симфония.

— Андрей Павлович, как вы определяете для себя новаторство в музыке? Критерии его, очевидно, меняются с течением времени. Каковы они сегодня?

— По моему, и я тут не открою ничего нового, новаторство — это все, что вступает в борьбу с академизмом, т. е. с тем, что устоялось, стало привычным, общепринятым. Безусловно, представления о новаторстве меняются. В конце XIX — начале XX вв. новаторство шло по пути ломки традиционных представлений о гармонии, ритме, оркестре, об изобразительных приемах и средствах выражения. И к середине нашего столетия здесь были сделаны огромные завоевания, палитра выразительных средств расширилась до такой степени, что некоторые приемы так и не были, за редким исключением, освоены художественно. Естественно, что сейчас вести поиски по этой линии крайне трудно — кажется, что все уже открыто — вплоть до расщепления звука, всевозможных акустических эффектов.

Да и сама наша эпоха, эпоха политической и идеологической борьбы, социальных споров вызывает к жизни искусство, способное наиболее полно и в то же время конкретно отразить те или иные волнующие вопросы

например, художник. Я в детстве увлекался рисованием, литературой, о музыке особенно не помышлял, хотя немножко играл на рояле, потом даже на скрипке. Когда мне было 14 лет, мы вернулись в Ленинград из эвакуации. Снова театры, кино... Я посмотрел фильм «Большой вальс» — об Иоганне Штраусе. Картина оказалась на меня огромным впечатлением. Как там была показана профессия композитора — все легко, красиво, празднично! Во мне словно все перевернулось... Отныне я хотел быть только композитором. Меня с трудом, условно, но все же приняли в училище — был год окончания войны, недобор. Но, к счастью, я попал в хорошие руки и смог за два-три года заполнить в основном свои многочисленные пробелы. И дальнейшая учеба — в консерватории — пошла более осознанно, что ли, а вначале она носила, согласитесь, несколько авантюрный характер.

— Андрей Павлович, как бы вы охарактеризовали свой музыкальный стиль?

— Не знаю, может быть, я ошибаюсь, но, думаю, что мне присуще стремление к поэтическому, даже романтическому восприятию мира. Мне всегда были чужды, непонятны — и в искусстве вообще, и в музыке в частности — направления, близкие к натурализму. Я уверен, что даже какое-то жестокое явление в жизни должно быть в музыке обобщено, возвышено, опозитивизировано, раскрыто отнюдь не за счет внешней изобразительности. Это с одной стороны. А с другой, нельзя не заметить, что в моей музыке — любых жанров — сильно проявляется песенное начало. Может быть, так случилось потому, что формирование моих первых осознанных музыкальных впечатлений было связано не с серьезной музыкой, не с народной, а с песней, военной песней. Эти воспоминания, вероятно, прошли через всю дальнейшую работу. Были периоды, когда песенный жанр становился для меня самым главным — я писал только песни, потом «возвращался» в серьезную